

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 Г. О.Л. ФЕТИСЕНКО

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.С. СОХАНСКОЙ В СЛОБОЖАНЩИНЕ И НА ВОЛЫНИ

Аннотация: Статья посвящена мало изученным страницам биографии Надежды Степановны Соханской (1823–1884), писательницы украинско-польско-русского происхождения, известной под литературным псевдонимом «Кохановская», — ее помощи ближним (в частности, хорошо налаженному лечению), трудам в церковном приходе в с. Савинцы в Изюмском уезде Харьковской губернии и участию в возрождении православных братств. Восстановлена картина многолетнего незаметного труда Кохановской у себя на хуторе и в своем приходе. Более подробно воссоздается история первого путешествия на Волынь, совершенного в 1866 г. В статье анализируются уникальные документы, драгоценные и для биографии писательницы, и для отечественной истории. Впервые в научный оборот вводятся ее письма к П.Н. Батюшкову, гр. А.Д. Блудовой и гр. М.Ф. Соллогуб (урожд. Самариной) и фрагменты разработанного писательницей «Устава Братской помощи» для патронируемого ею Братства св. Георгия в селе Яполоть Ровенского уезда. При этом подчеркивается, что все-таки главным делом Кохановской, конечно, было ее писательство.

Ключевые слова: Кохановская (Н.С. Соханская), биография писателя, публицистика, общественная деятельность, церковное служение, православные братства, архивные источники.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

© 2024. OLGA L. FETISENKO

CHURCH AND CHARITABLE ACTIVITIES OF N.S. SOKHANSKAYA IN SLOBOZHANSKHINA AND VOLYN

Abstract: The article is devoted to little-studied pages of the biography of the writer N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): her works in her church parish in the Kharkov province and her participation in the revival of Orthodox brotherhoods. The picture of Kokhanovskaya's many years of unnoticed work on her farm and in her parish has been restored. The central part of the article is a reconstruction of the history of Kokhanovskaya's first trip to Volyn in 1866. The article analyzes unique documents, precious both for the biography of the writer and for Russian history. The researcher introduces into academic circulation letters from Kokhanovskaya to A.D. Bludova and M.F. Sollogub and fragments of the "Charter of Fraternal Assistance", which the writer developed for one of the villages of the Rovno district. At the same time, it is emphasized that Kokhanovskaya's main work, of course, was her writing.

Keywords: Kokhanovskaya (N.S. Sokhanskaya), Biography, Journalism, Social Activity, Church-parish Service, Orthodox Brotherhoods, Archival Sources.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

«Русские писатели-классики — благотворители» — тема, разумеется, не новая; достаточно вспомнить Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и В.Г. Короленко. Но, пожалуй, на этом и запнется припоминающий, разве что знаток добавит К.Н. Леонтьева, врача, дипломата, философа и писателя, бесплатно лечившего быв-

ших крепостных своей матери. Между тем есть еще одно имя, которое должно бы сразу прийти на ум в связи с темой добродетели, если бы не оказалось незаслуженно забытым в истории отечественной словесности. Это Надежда Степановна Соханская (1823–1884), известная под литературным псевдонимом «Кохановская», современница Достоевского и Толстого, двойная соплеменница (по украинско-польскому происхождению) и — по исторической родине (Волини) — землячка Короленко, писательница, испытавшая всероссийскую славу и последовавшее затем забвение еще при жизни, сподвижница И.С. Аксакова, представительница так толком и не сложившегося «положительного направления в русской литературе», о котором мечтали славянофилы¹. В этой статье пойдет речь не столько о *Кохановской*, сколько о *Соханской*, т. е. больше о человеке, чем о писателе.

В конце XIX в. однажды было высказано суждение об этом авторе как о предшественнице народнического направления².

¹ О Кохановской (Н.С. Соханской) и ее творчестве см.: [Платонова; Кунильский; Вихрова; Фетисенко 2021а; Фетисенко 2023]. В настоящее время в Институте русской литературы начато академическое Полное собрание сочинений и писем Соханской: [Кохановская 2023].

² «Кохановскую можно считать в числе предшественников “народного” направления в литературе. Все то, что впоследствии так подробно разрабатывали писатели-народники, как Глеб Успенский, Короленко и др. — все это в сжатой, но необычайно яркой форме находится у Кохановской. Эта писательница представляет собой почти небывалый пример женщины с глубоким знанием и проникновением народной жизни. Эти качества в ее произведениях так сильны и рельефны, что подали повод даже к тому, что ее причисляли к славянофилам. Но она шире славянофильских рамок, несмотря на свои славянофильские симпатии. Сила таланта ее, можно сказать, ошеломила как критику, так и читающую публику, и ни та, ни другая, не поняли ее как следует. Потребовался ряд талантливых писателей-народников, разрабатывавших <...> в деталях то содержание, какое находим у Кохановской в сжатом виде, чтобы произведения ее стали более ясными и понятными массе. В момент их появления их мало оценили; а когда она могла стать понятной и толпе, — ее уже забыли и стали читать новых писателей» [А.Э., с. 766–767].

Но здесь имелся в виду по преимуществу круг появляющихся в повестях Кохановской персонажей, при этом допускалась неточность, потому что писательница в своей художественной прозе почти не касалась тех проблем, что занимали ее младших современников-народников, и если она в чем-то действительно близка последним, то исключительно в некоторых областях своей публицистики: прежде всего, в цикле «Письма с хутора». Если же задуматься о *деятельности* в обычном смысле слова (т. е. не собственно писательской), то в таком случае Кохановскую скорее можно определить как предшественницу сторонников «теории малых дел», которой придерживались и многие из народников. Однако существенное отличие состоит в том, что у Кохановской все эти великие «малые дела» были частью ее христианско-церковной жизни и творились как «дело Божье». И хотя соседи-хуторяне³ до конца ее дней продолжали называть Надежду Степановну «барышней», тем самым подчеркивая не столько ее «незамужний» статус, сколько ее высшее по сравнению с ними положение, в ее жизни никогда не вставал роковой вопрос эпохи о розни между «народом» и «интеллигенцией» (или дворянством). Кохановская для своего крестьянского окружения была всегда уважаемой старшей сестрой-помощницей. Конечно, это было связано с тем, что она не казово, а подлинно была едина с так называемой «меньшей братией» в вере, в церковной жизни.

Восстановить картину многолетнего незаметного труда Кохановской у себя на хуторе и в своем приходе⁴ не так просто, по-

³ Писательница жила на бедном хуторе Макаровка в Изюмском уезде Харьковской губернии. Это была территория Слободской Украины (Слобожанщины).

⁴ Это была Успенская церковь села Савинцы Изюмского уезда (бывшая государственная слобода и городок, ныне поселок городского типа), в 7 верстах от Макаровки и 33 верстах от Изюма, при впадении р. Савинка в Северский Донец, на старой большой дороге из Харькова в Изюм. Первый деревянный храм был построен здесь не позднее 1672 г., перестроен и освящен в 1730 г. Каменный храм на его месте был освящен в 1793 г. До этого в 1779 г. был

тому что в полном следовании заповеданному христианам писательница «не трубила перед собой». Публицист Е.Л. Кочетов справедливо заметил: «...у г-жи Кохановской был обычай делать много добра простому народу и затем держать это добро под спудом...» [Кочетов, с. 3]. По-видимому, здесь надо подразумевать: «никому не сообщать о своих делах». (Счастливое и важное духовное преимущество эпохи без соцсетей и видеоотчетов о благотворительности, даже церковной.)

Вот лишь один пример: прекрасно сохранившийся комплекс писем к П.А. Плетневу и его второй жене, которая сначала по переписке, а потом и лично, стала близкой подругой «макаровской отшельницы», не дает никакого представления об интересующей нас стороне жизни писательницы. Вернее, дает только частичное: в тех случаях (уже во второй половине жизни), когда Кохановская привлекала А.В. Плетневу к такой форме добродетели, как, например, пожертвование на погорельцев. О своих повседневных «внелитературных» занятиях автор писем обычно не говорит, и таким образом действительно все и могло бы остаться «под спудом», если бы рукой, вынимающей свечу из под спуда и ставящей ее «на свещнике, да светит всем», не послужил почитавший Кохановскую ее земляк-изюмец А.Ф. Запорин. Он сподвиг Анну Петровну Котельникову, бывшую, условно говоря, компаньонку, а точнее — помощницу, Кохановской, записать свои бесхитростные воспоминания о ней⁵. Теперь этот текст опубликован, благодаря ему сохранены уникальные подробности жизни «барышни», выпускницы с золотым шифром Харьковского института благородных девиц, и можно убедиться, что свои «малые дела» будущая писательница начала

построен другой деревянный храм Вознесения Господня. Оба храма в XX в. были разрушены. В 1992 г. в поселке построили новую церковь Успения Пресвятой Богородицы. Хутор же Макаровка еще в советское время оказался под полотном шоссе «Ростов — Харьков».

5 См. преамбулу: [Кохановская 2023, т. 1, с. 596–598].

совершать за несколько десятилетий до того, как в русской жизни и отечественной публицистике встал сам вопрос о них.

Мать Соханской рано овдовела, дети были устроены на казенный счет в учебные заведения. Трудные материальные условия заставили В.Г. Соханскую перебраться из Корочанского уезда Курской губернии (теперь это Белгородчина) в Слобожанщину и приобрести хутор с несколькими семьями крепостных. Таких помещиков в шутку называли «малодушными». Варвара Григорьевна не была как-то особенно жестока или придирчива, но из-за необходимости биться за каждую копейку, ее «душам» жилось тяжело. С первых лет по выходе из института (1840) Надежда Степановна понемногу старалась так повлиять на мать, чтобы облегчить жизнь крестьян и немногочисленной дворян (и ей это скоро удалось, о чем красочно повествует в своих воспоминаниях А.П. Котельникова), начала помогать крестьянам платить подати: «Кто в состоянии был, то расплачивался, а больше и так проходило, кто сам не принесет, то она никогда не спрашивает» [Котельникова, с. 504–505]. Сама же при этом пять лет донашивала ту одежду, что выдали ей при выпуске из института, не имея теплой обуви, собираясь в церковь, надевала *поверх* старых башмаков какие-то грубые вязаные чулки. Дом был крыт соломенной крышей, сени — плетеные из лозы...

После крестьянской реформы, когда Кохановская уже зарабатывала литературным трудом, ее деятельность развернулась шире: учение крестьянских детей грамоте, попечительство над школой в Савинцах, устройство общественных колодцев в степи, а затем опека Яполотского братства на Волыни и устройство там общественной кассы взаимопомощи под названием «Братская помощь», о чем будет рассказано во второй части статьи.

Одна из самых традиционных форм помощи помещика крестьянам — лечение. От Макаровки уездный лекарь и ближайшая аптека находились за 30 с лишком верст. Надежда Степановна превзошла многих. Ее «лечение» отличалось от привычной «барской» роли простого раздавателя нехитрых снадобий. «Я сделалась маленьким подлекарем Бога вышнего», — говорит

Соханская о себе в одном из писем к Плетневу в холерный год (1848) (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 16 об.).

Поразителен рассказ Анны Котельниковой (эту девицу из мещан, которая с матерью и двумя сестрами поселилась в Савинцах, писательница избрала себе в помощницы именно для лекачества). О себе «мемуаристка» говорит в третьем лице. Приведу фрагмент ее воспоминаний, сохраняя особенности подлинника:

...стали спрашивать о болящих и вместе стали ходить посещать и чем возможно помогать, ставить горчишник, мушки и травки от лихорадки, и еще более поддержать пищу, оставляла чай и деньги на белой хлеб или что пожелает больной, и так Господь помогал им, как это делалось с Божиим благословением, и так прошло лет 10, эта девица исполняла ее просьбу и за 7 верст ходила к ней в имение 2 раза в неделю, какие были успехи и чего было надо для больных. В старые годы не было таких больниц и докторов, и фильшоров, как теперь. И потом взяла к себе в дом эту девицу, тогда еще пошло лечение лучше, а особенно дорожила крест<ь>янами, то был народ вольной, а эти несчас<т>ные и угнетенные, и бедные, купить лекарства не за что, да и не знает, а мы собирали свои майки <имеются в виду, майские жуки. — О.Ф.> и свои п<и>явки, и своя в саду горчица и все возможные травки росли, и вот с разных трав наварим мази, и когда являются больные, то и подержим день и 2а, пока какое лекарство полюбит, и продолжаем пока вылечим. И вот уходили, получали здоров<ь>е, не боялися ни горячки, ни холеры, ни заразительных ран, ничего не пристало в течение 30и лет. Она всегда говорила, что Господь жи<ви>т и мертвит, убожит и богатит, и действительно было на практике, если доктора откажутся лечить, то надо ногу резать или руку, то мы и вылечивали самыми простыми средствами. Была старина и простота. Теперь это очень строго воспрещено. А когда бывала в церкви своей, <о>на всегда была в воскресной день,

никогда не пропускала литургии, и если замет<и>ть кого больного и рас<с>просит, и велит прийти, или дитя больное, она всегда спросит <у> матери и велит прийти на квартиру. И народ так хорошо знали о ее внимании к людям и прямо смело обращались к ней, и когда она приезжала из храма, то у ней был двор наполнен больными, и пешие, и подводами, и таких привозили раненых, что невозможно было устоять от смрада, и она не пренебрегала вместе с Анной Петровной промывала и перевязывала, и очень много подавала помощи. А каких надо было оставлять женщин, то оставляли и она давала помещение на т<р>и дня или нанять, пока постигнем лекарством. Много было несчас<т>ных женщин, которые после родов не побережется, и с такими больными животами и пухлыми ногами, как колодку уведут ее и дней через 5 или чрез неделю выходили домой, а если кто на хуторе заболел, то был строгий приказ, чтобы давали знать во двор хоть ночь, хоть полночь. Метель или до<ж>дь, сейчас Анна Петровна идет осведомит<ь>ся подать помощи, пока она встанет и прикажет носить кушать больному, что можно от стола, и чай утром и вечером, и если в таком положении больной, что желает его Господь взять, то иди, береги его смерти, читай и бери свеч<и> и масло для лампады, и ладан, если бедной, то сама и похоронит на свой кошт. В 4е часа вставала, <к> ней подавалась кадильница ежед<н>евно, и она оправляла сама ланпады <...> и никому не позволяла и касаться к ланпадам, и вот становилась на молитву, а в 10 часов выходила пить чай <...> и странники и странницы когда бывали, то спросит: «может, вам очень необходимо надо пошить белье, помыть и починить?», побудет 2 или 3и дня, а иногда в непогоду жили и по 2 недели [Котельникова, с. 505–506].

Какова была подготовка, позволившая так смело лекарствовать? Здесь было несколько составляющих: старинные рукописные лечебники и травники, которые Кохановская знала еще

по дедовской библиотеке⁶; какие-то секреты она могла перенять от лекарок-крестьянок, а общую подготовку получить в институте, где с интересом занималась ботаникой. Большим подспорьем могли служить печатные лечебники вроде руководств отца и сына Пекенов, Христиана и Матвея, известных еще в XVIII в.) В холерную эпидемию 1848 г. Соханские всерьез отнеслись к рассылаемым от правительства брошюрам и листкам о профилактических мерах и пособии больным. Это, между прочим, спасло жизнь самой Надежде Степановне, которая сама поставила себе диагноз и в опасную минуту, находясь далеко дома, без тех лекарств, какие были приобретены на подобный случай, смогла указать растерявшейся горничной, что предпринять. (Рассказ об этом содержится в письме к Плетневу от 4 июля 1848 г. (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 19–20)).

С наибольшей энергией Кохановская принялась за обычное женское служение во время Сербской войны 1876 г., где участвовали русские добровольцы, и, конечно, во время последовавшей за ней войны Русско-турецкой, «когда залилась мученической кровью славянская земля, когда всякое русское сердце дрогнуло и заболело родною святою болью» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 120 (письмо к А.В. Плетневой от 19 ноября 1876 г.)). В ее доме шили солдатское белье и щипали корпию (впервые при ней то же самое делалось и во время Крымской войны⁷), собирали подарки и пожертвования, которые потом отправлялись в отделение Красного Креста. 4 ноября 1877 г. Соханская рассказывала в письме к одной из своих подруг:

⁶ О находке древнего лечебника Кохановская подробно повествует в письме к П.А. Плетневу от 27 октября 1854 г. (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 73–74 об.).

⁷ Следует также упомянуть о том, что хутор Макаровка стоял на большой дороге, по которой шли в Крым войска. По ряду «проговорок» в очерках и в художественных произведениях, имеющих автобиографический подтекст, становится ясно, что Соханские, принимая на постой, не исполняли только обязанность-«разнорядку», а оказывали подлинное гостеприимство воинам.

В городе я не могла бы быть тем, чем я сделалась здесь: средоточием окружной хуторской жизни. Ко мне сносят все эти жертвы кусочков полотна, старых рубах, сходятся по праздникам щипать корпию; приносят читать письма от местных солдат; я пишу ответы, объясняю, рассказываю о войне; воодушевляю, пою чайком, собираю, соединяю, и вот из всех этих мирских крох я получила великую отраду отправить вчера обществу харьковского отделения Красного Креста, для препровождения в Яссы, большой тюк поболее пяти пудов [Кохановская 1889, с. 363]⁸.

После войны писательница устроила большой обед для возвратившихся в Макаровку солдат и ополченцев. (Письмо к А.В. Носовой (РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 1309. Л. 2–2 об.)).

Кохановская любила свой приходской храм и ему тоже старалась всячески помогать. Немудрено поэтому, что, когда при церкви открылись школы грамоты — отдельно для мальчиков и девочек (это было задолго до всероссийского устройства церковно-приходских школ), ее избрали попечительницей. Она слишком всерьез относилась к своим обязанностям, пыталась улучшить устройство школьного дела, но встретила непонимание и настоятеля, и учителя. Образчик бесед с ними приведен в письме к С.А. Рачинскому от 2 апреля 1860 г. (за 15 лет до того, как адресат этого письма начал учительствовать в своем Татеве):

«Батюшка! — пришлось мне говорить с священником и учителем сельского училища, — как вы там успеваете в нашем училище? Ведь бедным детишкам каждое слово толковать и объяснять надобно, чтобы они поняли». — «А что им понимать? — отвечал мне учитель. — Пусть себе учат. Ведь и мы учили, не понимали». — «Вот было бы хорошо, — говорила моя матушка, просматривая “Народное Чтение” и относясь к священнику и учителю, — хорошо было бы для

⁸ Здесь письмо ошибочно отнесено к 1876 г.

училища выписать эти книжки. Тут все хорошее для крестьянина есть: законы даже...» «Ха, ха, ха! — расхохотался учитель. — Очень нам нужно, чтобы они знали законы! Этак мы, пожалуй, без хлеба насидимся, как они все будут знать законы. Пусть они нас знают!» Верьте мне, что я не лгу и не клеветшу на духовных пастырей и учителей... До которых пор народная грамотность будет не делом первой важности, а только одним пресловием — жалкою серединой между церковным Богослужением и мирскими поборами! [Семья Аксаковых, с. 87].

Более жаркие столкновения последовали в пореформенные годы. Фрагмент об этом находим в неизданном письме к А.Ф. Аксаковой от 2 апреля 1868 г.:

На меня был подан донос, и уездный исправник выезжал производить дознание о моих действиях и поступках; приходский священник хотел исключить меня из прихода. Я должна была писать формальные бумаги к благочинному, к Архиепископу, к мировому посреднику; вынуждена была мериться силами с мальчишками пьяными писарями и с такими же пьяными и полуграмотными старшинами. Я окунулась во всю глубину нашего невежественного коснения, нашего злостного противодействия всему, что только пахнет желанием сделать добро <...>. Вы не можете себе представить, сколько раз я была измучена, истомлена нравственно! Сколько раз я готова была бросить все и отступить от своего попечительства! И только один внутренний укор останавливал меня: «Вот я и на себе покажу, как мало в нас, русских, душевной твердости! Как мало мы устойчивы в желании сделать что-нибудь доброе. Едва встречаем препятствия и бросаем все». Одно это поддерживало меня. Я потеряла целый год времени для своего литературного дела и теперь еще не всему конец. Статья Ив<ана> Сер<геевича> о новой секте русских штундов, где он высказывает горячо

нашему духовенству то, чего оно стоит⁹ — она была бальзамом для накопившего чувства горечи и негодования, которое дали мне наши попы (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1312. Л. 81–82 (машинописная копия С.Н. Дурылина)).

Тем не менее попечительство о школах продолжалось. Кохановская выписывала книги, ноты, учила детей церковному пению, а от них перенимала столь любимые ею колядки, простодушно славящие Рождество Христово. Кстати, один из споров с местным духовенством произошел именно из-за обычая колядования. Консистория пыталась его искоренять, сельское духовенство ревностно за это взялось, а Кохановская отстаивала народный обычай.

И можно ли подумать, можно ли тому поверить, — восклицает она в статье «О русской песне» (1870), — чтобы православное духовенство, в его духовной ревности, вооружалось палкою десятника и разгоняло своих прихожан, поющих эти песни-колядки! А между тем, по большим селам, вот за самое последнее время, эти колядки совершенно уничтожены. Уничтожено и уничтожается в бедной среде народной последнее живое понятие и хотя малейшее легендарное разумение той веры святой, в которой народ рождается, живет и умирает, и чаёт будущей вечной жизни! У подрастающего поколения святотатственною рукою невежественного книжника отнимается духовное наследство почти тысячелетней христианской жизни народа! <...> В том-то наше и горе с бедою, что мы прежде все уничтожим, а потом станем раздумывать: чем бы его заменить? [Кохановская 1872, с. 9].

⁹ Речь идет о статье И.С. Аксакова из номера его газеты «Москва» от 25 января 1868 г., которая позднее переиздавалась под названием «Некоторые безобразия русской жизни и в частности причины распространения штунды» [Аксаков, с. 65–72].

Молодой священник заявлял: «Нам дано предложение от епархиального начальства: обратить внимание на искоренение языческих обрядов, буде таковые находятся. Вот мы и искореняем» [Кохановская 1872, с. 13].

Как думаете, о. Павел, — спрашивает автор очерка, — пшеницу вы или плевелы искоренили? Впрочем, вы можете быть спокойны <...> кощунства не будет. И если по шинкам станут петь песни, то уже не о том,

Как на рички, на Иордани,

Божая Матерь ризы прала (т. е. мыла) [Кохановская 1872, с. 13].

В 1865 г. в жизни Кохановской прибавилась еще одна большая забота. Она присоединилась к ярко пламенившему тогда движению — возрождению православных братств¹⁰. Началось с того, что мать писательницы захотела помочь одному из самых бедных братств, о котором прочла на страницах аксаковской газеты «День», — Свято-Георгиевскому в селе Яполоть на Волыни¹¹. Выбор был, конечно, не случайным, потому что предки Варвары Григорьевны (Кохановские-Лохвицкие) происходили как раз из этих мест, из Великого Острога. Поскольку младшая Соханская была для матери «секретарем», по ее просьбе она написала

¹⁰ О самом известном возрожденном тогда братстве — Острожском, возглавляемом гр. Антониной Дмитриевной Блудовой (1813–1891), см.: [Быков; Прокудина, Комиссарова]. Кохановская стала одной из его сестер, причем она была принята самой устроительницей, без прошения со своей стороны — как «сестра-соревновательница» (об этом говорится в письме Кохановской к А.В. Плетневой от 30 марта 1866 г. (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 68 об.)).

¹¹ Село в 50 верстах от уездного города (Ровно), в конце XIX в. насчитывало 67 дворов. Деревянный храм здесь был построен в 1779 г. на средства Каेतана Морозовского. В 1861 г. положена основа Братству, а в следующем году устроена приходская школа, которая, впрочем, судя по письмам Кохановской, влачила жалкое существование. О Яполоти см.: [Теодорович, с. 589–590].

яполотскому священнику, о. Василию Абрамовичу, и передала первое пожертвование. На собрании братства обе женщины были записаны «сестрами». Затем Надежда Степановна начала собственный всероссийский сбор (см.: [Кохановская 1865]) и собрала большую по тем временам сумму: почти 1000 руб., которую в следующем году сама и доставила на Волынь. Впечатления своей первой поездки (а была еще и вторая — в 1877 г.) писательница изложила в очерках, помещенных Аксаковым в газете «Москва» [Кохановская 1867]¹².

Вся история ее многолетних отношений с яполотцами рассказана в обстоятельном очерке Федота Андреевича Кудринского (1867–1933), который сам был волынянином (сыном священника из села Степани, тоже «окормляемого» писательницей) и имел возможность пользоваться уникальными приходскими архивами, а также еще застал крестьян, в чьих семьях как драгоценная святыня хранились листочки писем и «воззваний» Кохановской. (Вот где неожиданным образом сбылось слово П.И. Бартенева: «Каждая строчка ее письма, где она надежно и мягко протягивает свою крепкую руку нравственной помощи, будет, я полагаю, храниться всяким, как святыня: так много давали и делали живые слова ее замечательно-отзывчивой души» [Бартенев, с. 630].) Особую ценность работе Кудринского придает то, что здесь приводится ряд писем Кохановской, известных теперь только по этому источнику [Кудринский]. Но автору очерка остались неизвестными другие эпистолярные документы, ныне хранящиеся в московских и петербургских архивах, а главное — такие драгоценные рукописные источники, как разработанные писательницей проекты юридического характера. Основываясь на этих еще не опубликованных материалах, я и попробую дополнить картину волынских благотворений Кохановской.

Кроме первоначального сбора, проведенного благодаря газете «День» и перепечатки заметки под названием «Просьба»

¹² Указываю лишь первые произведения цикла. Подробнее см.: [Фетисенко 2021а, с. 225–238].

в ряде других изданий, Кохановской во время пребывания в Москве удалось заручиться обещанием громадного пожертвования (5000 руб.) из завещания одного из московских купцов, посредником в чем выступил известный меценат И.И. Четвериков¹³. Поездка на Волынь по разным обстоятельствам долго откладывалась, но в ожидании ее писательница не теряла времени даром. Она уже ознакомилась с уставом «своего» братства и составила важное дополнение к нему — проект и устав ссудно-сберегательного товарищества, которое она назвала «Братской помощью».

Автограф «Устава Братской помощи Свято-Георгиевского Яполотского братства» удалось найти в архиве гр. Марии Федоровны Соллогуб (урожд. Самариной; 1821–1888)¹⁴, младшей сестры Ю.Ф. Самарина, который, кстати, как и все славянофилы с большим почтением относился к писательнице) (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 1–6 об.). Мария Федоровна тоже стала попечительницей братства в Могилевском уезде, и Кохановская предложила ей свой устав как образец. Два письма к ней, отложившиеся в том же архивном фонде, печатаются ниже, в Приложении к этой статье. В первом, от 26 января 1866 г., говорится еще только о подготовке устава, вместе со вторым, недатированным, но по содержанию относимым к ранней весне того же года, документ уже был послан. Пометы на рукописи, вероятно, принадлежат гр. Соллогуб. Датирован документ 28 февраля 1866 г. К нему имеется приложение: «Особые советы и наставления жеребьевому» (т. е. выбранному по жребию на один год лицу, надзирающему за распределением «братской помощи») (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 6 об. – 7 об.). Оба этих документа будут опубликованы в пятом томе Полного собрания сочинений и писем Кохановской. Сейчас познакомимся с ними лишь фрагментарно.

¹³ Без указания фамилии он упомянут в очерке «Поездка на Волынь», а по имени назван в письме к П.Н. Батюшкову (см. Приложение)

¹⁴ См. о ней: [Тесля, с. 68–69].

Устав начинается молитвенным воззванием:

Во имя любви Христовой, заповеданной нам — благо-словением Пресвятой Божией Матери и помощью Св. В-ликомученика и Победоносца Георгия — от щедрой руки добровольных жертвователей... да помилует и ущедрит их Господь! — полагается основа Братской Помощи, при Свя-то-Георгиевском Яполотском братстве, в селе Яполоти (Во-лынской губ<ернии> Ровенского уезда) суммою *в двести руб. сер<ебром>* на нижеследующих твердых и неизменных условиях... (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 1). (Здесь и далее курсив передает авторские подчеркивания.)

И в дальнейшем весь текст, если так можно выразиться, «оцерковлен». Кохановская даже предложила текст добавоч-ных прошений к сугубой ектении для молебна в день годич-ного собрания для переизбрания распорядителей «братской помощи» и вообще само это «мероприятие» вписала в круг богослужений:

На вечерню, под это воскресенье, собираются в церковь все прихожане села Яполоти, Жалина, Збужа и деревни Валь-ки, и после вечерни кто-либо хорошо грамотный читает лю-дям громко и внятно весь этот Устав, и Священник старается дать понять и растолковать его народу. После чего Братство и громада выбирают от себя по 9 человек. На завтра после утрени или и здесь же после вечерни эти восемнадцать че-ловек с Священником во главе, перед всем народом, на миру, избирают из себя двух <...> и бросают на них жеребий. По жеребью, новый жеребьевый с товарищем принимают от старых подробный словесный отчет во всей сумме, в про-центах, в неуплате кем по приходной и расходной книгам. Считают всю сумму перед Братством и выборными и перед всею громадою, приписывают к сумме полученные процен-ты — если сами не грамотные, то просят Священника, или

кому они доверяют из прихожан грамотных, все здесь же проверить и записать в книгу. Окончивши благочинно это дело приема денег и поверочного счета по книгам, служится в то воскресенье заупокойная обедня, о всех почивших благодетелях и о ком заповедано молиться и об умерших из братства. После обедни совершается по ним торжественная панихида. Перед обеднею же бывает молебен о живых и здравствующих учредителях Братской Помощи и о всех братчиках и сестрах Свято-Георгиевского братства; а также и о новоизбранном жеребьевом с товарищем и не эктении молятся *«о еже честно, право и верно прияти и совершити рабу Божию (имя) с товарищем дело служения своего перед Богом и Св. Великомучеником и всеми людьми, Господу помолимся»*, и по молебне возглашается Многолетие. <...> И во 2-ой срок уплаты и полугодового отчета точно так же, после вечерни читается Устав и на утро, после отчета и проверки суммы, служится молебен и совершается торжественная панихида после обедни (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 5–5 об.).

Выдачу денег тоже предлагалось обставить священно-торжественно, чтобы помощь принималась как бы от самого святого покровителя общины:

...как сумма Братской Помощи хранится в церкви, то жеребьевый, доставши деньги из сундука, полагает их к образу Св. Великомученика Георгия, и человек, кладя земный поклон и лобызая св. икону, берет деньги как бы из рук Самого Великомученика. В дни же праздничные и особенно в те два воскресенья полугодных сроков, выдача денег после поверочных счетов и приема суммы новым жеребьевым производится особенно торжественно. По окончании всего Богослужения, перед растворенные Царские Врата, выносятся аналой с иконою Св. Великомученика. Священник во всем облачении становится по одну сторону, а жеребьевый с товарищем по другую. Они выдают деньги, положи их к ико-

не, а Священник своей благословляющей рукою передает их человеку, который кланяется до земли, лобызая св. икону и руку священника, с благословением вручающую ему Братскую Помощь (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 6).

Подлинное удивление вызывает тщательность, с которой Кохановская продумала все малейшие детали правовой стороны дела (подробности выбора «жеребьевого» и его помощника и чего-то вроде «ревизионной комиссии»), а также все возможные трения, соблазны, нарушения порядка, предусмотрела их и предложила средства, как избегать их. Вот примеры из первых пунктов устава:

2) Эта помощь вся сполна назначается для Православных жителей Села Яполоти, Жалина и Збужа, прихожан церкви Св. Великомученика и Победоносца Георгия — для причта и духовенства этой церкви. Она есть Приходская Свято-Георгиевская Братская Помощь и раздается только в своем приходе старшему и домохозяину в дворе и семье.

3) Как легко могло бы случиться, что люди, думающие только о себе, захватили бы в свои руки всю или большую часть суммы; а бедные и самые нуждающиеся не имели бы получить и рубля на вспоможение, то однажды навсегда устанавливается: менее *одного рубля* и более *десяти руб. сер<ебром>* никто не может взять денег за один раз.

4) И если бы все желающие взять взяли по десяти рублей, то только 20 человек получили бы помощь в приходе; а остальные 200 не имели бы ни копейки. Поэтому выдача денег из Братской Помощи *по десяти руб. сер<ебром>* может быть произведена только *трем человекам* — только на сумму *тридцати руб.* и ни как не более.

5) Если желающих получить заем в десять руб. явится 5 и 6 человек и между ними будет священник или вдова бывшего приходского священника, живущая в приходе, или кто-либо из приходского церковного причта, или сельский

учитель, или ктитор церковный, чтобы купить для церкви свечей, вина и муки, — то этим лицам выдается сей час, первым из первых, заем в десять рублей; а на всех остальных должен быть брошен жеребий: кому достанется? <...>

<6> Братская Помощь более, чем на полгода, никому не дает своей ссуды; и ни в каком случае — ни от кого не берет более 2-х процентов.

7) За тем должно знать и всегда помнить благую волю учредителей Братской Помощи, которая по преимуществу назначается для уплаты выкупной ссуды и казенных податей: и потому *беднейшим в приходе*, напр<имер>, вдовам и сиротам, и тем именно, кому нужно платить недоимки и казенные подати, прежде всего выдаются деньги.

8) И только в таком случае, когда нет на приходе казенной недоимки и текущие подати всеми уплачены, — *тогда единственно* остающиеся деньги могут быть выдаваемы на частные нужды, не на других каких условиях, а именно на тех, которые обозначены выше.

9) Но при этой выдаче денег *последние* должны быть *первыми*. Самые бедные в приходе и особенно вдова имеют преимущество перед всеми другими и им первым выдается сумма, которая им нужна (разумеется, не свыше 10 р<уб>).

Напр<имер>, если бы, по выдаче на уплату податей и недоимки, оставались бы у Братской Помощи еще 10 р<уб>. и пришел бы известный в приходе бедняк, или пришла бы вдова, просить 5 р<уб>. и еще других человека четыре пришли. То прежде всего вдове, или тому известному бедняку, выдаются деньги *все пять рублей*; а остальные люди возьмут себе по одному рублю; или же, с общего согласия, пусть бросят жеребий: кому достанется одному деньги взять? (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 1–2)

Неплательщиков устроительница заповедала не притеснять, а по-евангельски трижды усовещивать: наедине, затем при священнике и, наконец, прилюдно:

Если кто к полугодичному сроку не внесет взятых им денег и начнет уклоняться, не желая вовсе платить их, — такого усовещает сначала сам жеребьевый с товарищем; в другой раз просить Священника усостыть его; в третий раз громко перед всем братством и выборными от мирской громады говорить и просить об уплате денег и, если после всего этого тот не внесет и будет уклоняться — то Бог с ним! Он солгал не одной братской любви, а Богу и самому Св. Великомученику. Третье его к суду, притеснять или как бы то ни было силою принуждать к уплате не дозволяется ни каким образом. Но только уже ни ему, ни детям его, живущим с ним вместе, а не в отделе, не выдается более Братская Помощь, пока он сам не уплатит или, по смерти, дети его не внесут взятой и удержанной суммы (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 4 об.).

Предусматривались и случаи «обстоятельств непреодолимой силы»:

Если же неуплата к полугодичному сроку будет происходить от следующих причин: от смерти жены, отца с матерью или двух-трех детей, пожара — падежа скота, сильной продолжительной болезни хозяина — если град выбьет его поле или случится потерпеть сильное воровство: во всех этих случаях только вносятся к полугодичному сроку положенные 2 % проценты; а сумма считается как бы вновь выданною тому человеку (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 4 об. — 5).

А вот как предлагалось наказывать тех, кто обманом присвоил бы себе деньги или передал бы их еврею-ростовщику или поляку, с которыми «братчикам» заповедалось не вести дел: совершивший такой проступок

записывается крупными буквами в Расходную Братскую книгу под заглавием: «Обманщики братской любви» и по

первому разу лишается на *три года* всякой помощи, даже для уплаты казенных податей; лишается сам он и сыновья его, живущие с ним вместе, а не в отделе; *по второму разу* — на *десять лет*; а *по третьему обману* имя того человека вычеркивается из Братской книги и он по смерти своей не может уже получить ни копейки (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 2 об.).

Никакого обращения к властям, все решается внутри самого Братства, и это вычеркивание из «Братской книги» должно быть страшной угрозой, словно это вычеркивание из самой Книги жизни.

«Жеребьевому» Кохановская преподает наставление не действовать по «родству и дружбе», «обижая бедного и награждая сродственника и соседа богатого». Дается пояснение к описанному выше образу действий с неплательщиками:

Когда дойдет слух, что кто-либо с каким-нибудь обманом взял деньги, то не должно бросаться сей час к этому человеку и с криком и обвинениями требовать деньги назад. А должно молчать, вызнать дело настояще и ждать до срока, пока тот человек принесет к уплате деньги, и тогда уже, зная все дело обстоятельно, объявить должно всему братству и тем выборным от громады людям: чтобы они и выборные от братства, все вместе с священником, рассудили суд и решили: виноват ли человек? И по вине его определили наказание, какое будет следовать по 1, 2 и 3 статьям II отделения Устава, и здесь же, перед всеми, записали имя того человека в книгу, в обманщики Братской Любви. <...>

Когда кто-либо, взявши деньги, не отдаст их по крайней ли нужде и разорению, или потому что захочет обмануть Братскую Помощь: в таком случае жеребьевый, после увещаний, оставляя тех людей Богу и их совести, — сам старается всем своим усердием вознаградить и восполнить ущерб в сумме Братской помощи. Для этого просит братство

и выборных от громады принять поровну на всех и разделить по копейкам, что будет следовать на уплату. Причем сам жеребьевый с товарищем первый подает пример рвению и готовности к уплате. Если же этого будет не достаточно, то обращается жеребьевый ко всем прихожанам, прося их усердно и указывая им: что ведь это их мирская казна, данная на помощь детям и правнукам их, — что они не должны потерпеть, чтобы она умалилась — пусть не жалеют копейки, чтобы при нужде был под рукою рубль.

5). После таким образом восполненной суммы, если должник внесет свой долг — собранные деньги возвращаются всем тем, кто давал их, *когда они сами того потребуют*. Но я бы просила их: не брать назад той копейки, которая отдана раз. Пусть она растет и возрастает в рубли на общую братскую пользу всем про черный день (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 6 об. – 7 об.).

Важным условием Кохановская называла трезвость, но, снисходя к людским немощам, шутливо замечала: «...выпить чарку-другую и разделить беседу с приятелями, на то есть свой собственный христианский дом» (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 7 об.), если же жеребьевого в другой и третий раз увидят пирующим не в доме, а в корчме, такового требуется заменить более достойным.

Поистине, «устав» и «наставление» — это уникальные документы, драгоценные и для биографии писательницы, и для отечественной истории.

В путь на Волынь Кохановская, по своим обстоятельствам, смогла отправиться только в сентябре. Она нашла себе спутника хотя бы на половину дороги. Это был муж ее подруги (и отец будущего биографа, Н.Н. Платоновой) исправник Н.И. Шамонин. А от Житомира ее сопровождала только уже упоминавшаяся мною А.П. Котельникова. Кохановская везла огромную сумму денег, но не считала возможным ничего из нее тратить на свои расходы. Ехали спутницы чуть не в телеге, питались одним

чаем¹⁵. В Яполоти и окрестных селах ее приняли как таинственную высокую особу.

А в каких лесах я была! за болотами, за песками, между каким бедным, бедным народом. Который до того привык, чтобы с него все брали и драли, что глядит испуганно, когда теперь дают ему и не знает, что ему делать и как поблагодарить? Бедный народ! О, пошли ему Господь день воскресен! (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 83 (письмо к Плетневой от 5 октября 1866 г.)).

Опуская подробности, которые можно найти у Кудринского и отчасти в книге Н.Н. Платоновой, процитирую письмо Кохановской к М.П. Погодину (одному из жертвователей на Яполотское братство) от 9 января 1870 г. Вопрос историка касался Братской помощи. Кохановская отвечала:

Вы спрашиваете меня: что мои банки на Волыни? Чтобы отвечать на этот вопрос достоверно, следовало бы поехать и хорошенько проверить их на месте. В будущем, может быть, это будет возможно для меня; но теперь я только получаю годовичные отчеты, из которых видно, что деньги разбираются и вносятся, хотя в одном месте и оказываются недоимки. Но вся суть дела в личности священника; а эти светлые личности такой клад, что искать его приходится, как захороненного золота в нашей народной песне, «со трубами в городе, со свечами в тереме» нашей Церкви [Фетисенко 2021a, с. 348].

Со священниками Яполотскому братству, видимо, действительно «не повезло». Его устроитель, о. Василий Абрамович, был переведен в Белосток [Кудринский, с. 97], сменивший его священ-

¹⁵ «...Кроме чаю я ничего не ем в дороге...» — писала она Плетневой из Житомира 15 сентября 1866 г. (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 82).

ник Павел Шумский, воспользовавшись своими полномочиями, фактически ограбил братство (см. ниже в Приложении письмо Кохановской к гр. Блудовой от 15 апреля 1871 г.¹⁶), а затем и во все кончил жизнь самоубийством. Кохановской пришлось иметь дело еще с двумя яполотскими настоятелями. Те были честнее, но поправить запущенные дела братства и Братской помощи тоже не сумели. (Поэтому Кудринский и назвал свою статью: «Неудачные предприятия народолюбки».) Более раннее письмо к патронессе Острожского братства (от 11 мая 1870 г.) свидетельствует о том, что Кохановская помогала и другим волынским приходам.

«Братская помощь» претерпела неудачу, но не по вине Кохановской, которой «за 1000 верст» [Кудринский, с. 118] невозможно было проверять ход дел и вмешиваться в управление. За несколько месяцев до смерти от тяжелого онкологического заболевания Надежда Степановна писала яполотскому священнику Якову Вонифатиевичу Тарановичу: «Передайте мой поклон, прощание и *прощение* братству: что оно, кроме огорчений, ничего не принесло мне и ничем не порадовало мою душу...» [Кочетов, с. 3]¹⁷. Не порадовало, но, несомненно, послужило спасению души и собственной, и тех, кто помогал в служении, и тех, кто с благодарным сердцем принимал помощь. «Всем бых вся да всяко некия спасу» (1 Кор. 9: 22).

И все-таки главным делом Кохановской, конечно, было ее писательство. В ее произведениях редко звучит прямая проповедь, но они пронизаны светом Христовой истины, и в них весьма часто

¹⁶ Одно письмо Кохановской к Блудовой было опубликовано при жизни писательницы [Кохановская 1866]. Автографы двух неизданных писем хранятся в РГАДА, еще двух — в ИРЛИ, но одно из них (1874) не имеет отношения к проблематике данной статьи и поэтому в Приложении не публикуется.

¹⁷ Имя адресата здесь не указано. О. Яков (Иаков) — выпускник Волынской семинарии 1871 г., кончил курс по первому разряду. Интересно, что составитель «Историко-статистического описания» Волынской епархии Н.И. Теодорович не знал о кончине Кохановской. Во втором томе своего труда, вышедшем в конце 1889 г., он упоминает о писательнице как о живой, которая «продолжает свою благотворительность и доселе» [Теодорович, с. 290].

встретишь цитаты и реминисценции из Св. Писания, из богослужебных текстов, а еще здесь изобилии представлено то, что называется «крупницами народной мудрости» — пословицы и поговорки, всегда тоже христианского духа. Что же касается открытых, явных наставлений, советов, необходимых и действенных слов душевного участия, — все это изобильно содержится в письмах к близким людям, чему уже была посвящена отдельная статья¹⁸.

ПРИЛОЖЕНИЕ

І. Письмо Н.С. Соханской к П.Н. Батюшкову

25 июля, 1866.

*Нескучное*¹⁹

Милостивый Государь
Помпей Николаевич!

Я ишу извиниться перед Вами в моей большой вине, именно в том, что я не отвечала на Ваше обязательное письмо, в котором Вы обещали столько богатых даров для нашего бедного Братства²⁰. Но я получила это письмо в самый час моего отъезда из Москвы²¹; а в П<етер>б<урге> я была не отходна у постели разбитой душою и телом изнемогающей женщины, которая отдала себя и все свои дела на мои руки²². У меня не было време-

¹⁸ См.: [Фетисенко 20216].

¹⁹ В Нескучном Кохановская жила у своих друзей, супружеской четы писателей А.Ф. и Е.И. Вельтманов.

²⁰ См. примеч. ниже.

²¹ Кохановская приехала в Москву 25 мая (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1312. Л. 69) и довольно быстро отправилась в Петербург. Затем снова вернулась в Москву, которую покинула 26 июля (дата устанавливается по письму к А.В. Плетневой; РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 73). Значит, письмо Батюшкову написано накануне отъезда.

²² Речь идет о недавно овдовевшей А.В. Плетневой. Кохановская ездила в Петербург, чтобы поддержать свою подругу.

ни и скажу более: не было мысли от сердечной печали, чтобы отвечать Вам и благодарить Вас. Но едва я приехала в Москву, я поспешила быть у Вас и очень жалею, что не могла лично извиниться перед Вами и лично не поблагодарила Вас. Впрочем, веруя глубоко в народную святыню Вашего и моего маленького дела, я не думаю, чтобы мое личное что-нибудь значило здесь.

В Вашем письме, подтверждая нам все обещанное Ив<аном> Ив<ановичем> Четвериковым²³, Вы дали нам еще и более того, позволяя обращаться к Вам за книгами и за помощью при постройке дома для училища²⁴. Вы позволите мне помнить это слово и попросить у Вас именно книг Нового Завета в маленьком синодальном издании для раздачи ученикам школы. Я слышала, что Вы едете в Северо-Западный Край, и я тоже еду к своему ма-

²³ Иван Иванович Четвериков (1817–1871) — московский купец первой гильдии, потомственный дворянин, почетный мировой судья (с 1862), гласный городской думы (с 1863), председатель комитета по поддержке православия в Западном крае (с 1861), строитель множества храмов и училищ (отец духовного писателя о. Сергия Четверикова). О встрече с ним и последовавшем предложении передать волынянам 5000 руб. из капитала купца Щодчина говорится во втором письме цикла «Поездка на Волынь». Упомянут здесь и Батюшков: «П.Н. Батюшков письменно подтвердил мне это обещание 5000 р<уб>. и добавил к нему еще обещание книг для братской школы и свою помощь в постройке ее, если не окажется для школы должного помещения у бедного возникающего сельского братства» [Кохановская 1867, № 68, с. 2].

²⁴ В 1867 г. Кохановская передала яполотцам 200 руб. в пользу школы [Теодорович, с. 590]. О дальнейших нестроениях, связанных с яполотской школой, речь идет в очерке Кудринского. В частности, здесь приведено письмо Кохановской к братчикам от 23 мая 1883 г., в котором говорится: «И чего я желала и просила у вас? Чтобы у вас была школа; что если вы сами, отцы, — грубые и невежественные, то чтобы дети ваши стали лучшими, узнали закон Божий, научились читать святыне молитвы правильно и смысленно и могли бы вам — своим родителям — в хатах ваших читать св. евангелие и смягчать жестокие и злобные сердца ваши. Что же, вы послушали меня? <...> Что ни лучше найдется учитель в школе, то вы тем хуже поступаете с ним. Когда два-три человека пошлют детей учиться, а пять-десять злобствуют, не хотят учителя знать и всячески стараются выжить его из училища. Постыдитесь добрых людей и бойтесь Господа Бога!» [Кудринский, с. 118].

ленькому Братству, и если Вам угодно будет выслать книги, то вот адрес: В город *Ровно* (Волынской губ.). Г-ну Почтмейстеру Антону Николаевичу *Богомолову* для Яполотской школы.

Затем примите мое искреннее извинение и живую глубочайшую благодарность той, которая в лице своего бедного Братства облагодетельствована Вами.

Н. Соханская-Кохановская

Автограф: (ОР РНБ. Ф. 52 (Батюшковы). Ед. хр. 244. Л. 244–245).

Адресат письма — историк и этнограф Помпей Николаевич Батюшков (1811–1892), младший единокровный брат К.Н. Батюшкова. В 1865–1867 гг. он руководил церковно-строительным комитетом в Западном крае и был одним из видных деятелей в движении православных братств. См. о нем: [Крачковский].

II. Письма Н.С. Соханской к графине А.Д. Блудовой

1

*[Конец апреля — начало мая 1867 г.,
Макаровка]*

Высокоуважаемая

Антонина Дмитриевна!

Полагая найти Вас к 11 мая на месте Ваших трудов и ожидаемого открытия Кирилло-Мефодиевского Острожского Училища²⁵, я сюда и препровождаю свой годичный взнос сестринского соревнования к общему дорожному делу. При этом я представляю Вам Аттестат дочери Ровенского Мирового Посредника, Аделаиды Михайловны Харченко, которая желает занять место классной дамы в Вашем новооткрываемом училище. Я уведомила ее: что это училище благотворительное, что рассчитывать на большое вознаграждение наставнических трудов она не может ни в каком случае и получила в ответ: «что главная цель

²⁵ Женское училище им. гр. Д.Н. Блудова открылось в день свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия, 11 мая 1866 г.

ее — приискать себе занятие и, под более опытным руководством, продолжать начатое образование двух младших сестер ее, которых отец желал бы поместить в заведение, пользующееся высоким покровительством Августейшей Фамилии и ее сиятельства графини Блудовой». По удостоверении Аттестата эта девица, получившая золотой шифр при выпуске из Киевского Института, вполне может быть классною дамою, если Вам это будет угодно по Вашему усмотрению и нужде училища. В этом последнем случае Вы всего легче можете устроить это дело, проезжая на возвратном пути через Ровно и попросивши к себе девицу Харченко, которая живет с отцом в самом городе. Если же Вы не будете иметь нужды в классной даме, то я желала бы и просила Вас уведомить меня о том, чтобы не оставлять девицу Харченко в неизвестности о Вашем решении.

И вот открывается так горячо желаемое Училище! Пошли же, Господи, чтобы оно превзошло в своем благе те ожидания, которые возлагают на него. В своей <<»поездке на Волынь<<» я посвящаю три письма Острогу и постараюсь выставить все значение Острожского Братства с его школою²⁶ — все то, чем оно должно и не может не быть. К сожалению «Москва» приостановлена на время²⁷.

²⁶ Имеется в виду цикл «писем», создаваемых для газеты «Москва». Очерк об Острожском училище создан не был, но в вышедшем ранее (27 марта 1867 г.) первом письме с благодарностью была упомянута графиня-благотворительница: «в Москве я увиделась с графиней А.Д. Блудовой. Дело братств самим этим именем уже близко и дорого основательнице Кирилло-Мефодиевского Острожского братства. Мы встретились на одном пути. Как ни узка тропинка деятельности сельского братства с сторублевой помощью в руках, но и эта деятельность, и мысль моя, и сама я, — приняли столько сочувственной заботы, внимания и одобрения, что я истинно могу сказать: старшая сестра помогала делу и направляла в путь свою младшую. Не выходя из фрейлинских комнат Кремлевского дворца, решено было положить основу братской помощи и при Кирилло-Мефодиевском Острожском братстве, и мне радостно было думать, что эту основу будто приняла под сень свою Кремлевская святыня» [Кохановская 1867, № 67, с. 3].

²⁷ Газета «Москва», редактируемая И.С. Аксаковым, после третьего предостережения 26 марта была приостановлена на три месяца, но успело выйти

Из прилагаемых *трех рублей* один составляет мой годичный взнос; другой — в капитал для Братской Помощи при Острожском Братстве; а третий рубль — за продажу 10 эк<земпляров> Жития Св. Кир<илла> и Меф<одия>²⁸.

Примите уверение в глубоком уважении и в истине преданного чувства

Н. Соханская

Прошу передать мой глубокий поклон всему собранию Братства.

Автограф: (РО ИРЛИ. № 22116. Л. 3–3 об.).

Знакомство Кохановской с гр. А.Д. Блудовой могло состояться в 1862 г. В домашнем архиве писательницы хранилось семь писем фрейлины за 1862–1884 гг. [Пономарев, с. 296].

2

11 мая, 1870

Макаровка

В этот святой и славный день празднования всего Славянского мира и преимущественно Кирилло-Мефодиевского Братства, возникшего каким-то чудом Божиих судеб в забвенном уголке России — помолясь Господу об этом пшеничном зерне, чтобы оно принесло свой плод «сторицею»²⁹ — я отвечаю Вам, высокоуважаемая Сестра, графиня Антонина Дмитриевна, на Ваш запрос об ящике с вещами на имя Троицкой церкви³⁰.

У меня сердце радостно шевельнулось при этом вопросе. Дело Троицкой церкви, которое, со смертью блаженной памя-

---

еще несколько номеров, в том числе № 70 от 29 марта, в котором было помещено второе письмо цикла «Поездка на Волынь».

²⁸ Имеется в виду издание: [Житие].

²⁹ Образ из Евангелия (Мф. 13: 8).

³⁰ Имеется в виду деревянная церковь Св. Троицы Живоначальной в себе Погорельцы в 6 верстах от уездного г. Дубно, построенная в 1733 г. Постройка нового, деревянного же, храма начнется только в 1885 г. В храме находилась чтимая икона Пресвятой Богородицы, известная с середины XVII в. (см.: [Тедорович, с. 893–894]).

ти Татьяны Борисовны³¹, я почитала совершенно погребенным, и оно вдруг воскресает!

Это церковь не близ *Ровно*, а в 18 верстах от *Дубно*, в селе *Погорельцах*, священник *Иоанн Бычковский*³². Помогите св<ятому> месту, которое находится в таком запустении, что Св<ятые> Дары на жертвеннике расхищаются мышами и вся церковь является не храмом Бога Вышняго, а подпольем для мышей.

Кажется, Богу угодно призреть милостивно на Свое жилище и вызвать его наконец из мерзости запустения. Да, так бóльшую частью бывает с нашими усилиями, предположениями... Когда я напрягала все мое усердие, чтобы сделать что-нибудь в пользу этой церкви, когда я думала: «что вот уже я все сделала», получивши согласие и обещание покойной Татьяны Борисовны, что она возьмется переустроить и возобновить эту беднейшую хramину Св<ятой> Троицы, — тогда-то именно ничего и не делалось. Т<атьяна> Б<орисовна> умерла, не завершивши свое построение церковей церковью во Имя Святой Троицы. Общественная благотворительность обратила свое внимание на церкви в Прибалтийском крае и на нововозникшее миссионерское общество³³; сама я ничего не могла сделать — кроме, может

³¹ Речь идет об известной благотворительнице, статс-даме Татьяне Борисовне Потемкиной (урожд. кнж. Голицыной; 1797–1869), с которой Кохановская была хорошо знакома, по ее приглашению в 1864 г. приезжала на освящение построенной на ее средства Преображенской церкви в Святогорском монастыре. Свою корреспонденцию об этом для аксаковской газеты «День» Кохановская завершила словами: «...подъезжая к Святогорью, когда вам сверкнет в глаза опоясывающая его голубая лента Донца — на ней будто видишь написанным прекрасное имя Татьяны Борисовны Потемкиной» (цит. по: [Семья Аксаковых, с. 501]). У Кохановской хранились три письма Потемкиной 1862 г. и письмо о ней [Пономарев, с. 299].

³² Иоанн Харлампиевич Бычковский, в 1859 г., кончивший курс в Волынской семинарии, был настоятелем Троицкой церкви в Погорельцах с 1862 г. [Тедорович, с. 897]. В домашнем архиве Кохановской хранилось шесть более поздних писем этого священника (1868–1871) [Пономарев, с. 297].

³³ Имеется в виду Православное миссионерское общество, открывшееся 25 января 1870 г. в Москве.

быть, помолиться со скорбью и предать это безуспешное дело воле Божией.

И когда я менее всего думала о возможности успеха, я получила по весне от М.П. Погодина предложение *ста рублей*, которые я попросила обратить в пользу этой церкви³⁴, и затем Ваш вопрос об ящике с вещами для Троицкой церкви... Слава Богу, Который все делает по-Своему, а не по-нашему!.. Я помню, что в Уставе Кирилло-Мефодиевского братства полагается обязанность помогать нуждающимся церквам по силе возможности, и смиренно верую, что Вы, основательница братства, сделаете все, что Вам Господь положит на сердце.

С высоким чувством уважения

имею честь быть

Вам глубоко-преданною

Надеждою Соханскою.

Р. С. Что, если бы Вы, по дороге в Почаев, заехали взглянуть на эту бедную церковь в Погорельцах? Ваш взгляд не послужил ли бы к ее восстановлению?

Автограф: (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 1–2).

3

15 апреля 1871 г.,
Макаровка

Милостивая Государыня

Графиня Антонина Дмитриевна!

Приближается день нашего Братского празднества³⁵, — позвольте мне памятью о нем и моим малым приношением разделить Вашу радость и поблагодарить Господа Сил, благословившего Ваше начинание. С каким сердечным довольством я

³⁴ Сохранился ответ Кохановской Погодину, от 9 января – 17 февраля 1870 г., с подробным изложением дела церкви в Погорельцах [Фетисенко 2021а, с. 347–350].

³⁵ Имеется в виду день свв. Кирилла и Мефодия, 11 мая.

встречаю и читаю в газетах Ваши известия о вашем дорогом деле! Как слышно сердце говорит в них! Какая задушевная простота истины дела и истины слова является и предлагается каким-то радушием сообщительного ума... Вы особенно как-то владеете словом. Позвольте сестре писательнице сказать Вам это.

Будете ли Вы нынешним летом на Волыни? Я оттуда, из своего Яполотского братства, получила самые неутешительные известия, которым не могу не верить потому, что они подписаны выборными людьми и засвидетельствованы печатями сельского старосты и добросовестного.

Приходский священник, о. Павел Шумский³⁶ — из братской общественной ссуды в 300 р<уб>. сер<ебром> — взял до 50 р<уб>. и в течение нескольких лет ни процентов не платит, ни денег не отдает; держит у себя счетную книгу, не ведя никакой записи и, что всего хуже, ссорясь с прихожанами, он им отмщает тем, что другой год не принимает многих к исповеди: так что они должны ездить говеть или в Почаев за 180 верст, или отправляться к своему прежнему священнику за 140 верст, из Ровенского в Луцкий уезд. Бедные сельчане подавали прошения к Преосвященному³⁷; но думают, что родство и кумовство задерживают архипастырские резолюции и приход остается при том же порядке — или вернее, совершенном беспорядке³⁸.

³⁶ Ф.А. Кудринский в своей статье характеризует о. Павла как «человека узко-практического и с странностями в характере», мало заинтересованного в делах братства [Кудринский, с. 97].

³⁷ Речь идет об архиепископе Волынском и Житомирском Агафангеле (в миру Алексей Федорович Соловьев; 1812–1876), активно содействовавшем гр. А.Д. Блудовой в устройении Острожского братства. Его письмо к Кохановской 1867 г. (возможно, ответ на жалобу, упоминаемую Кудринским [Кудринский, с. 95]) числится в описи ее домашнего архива [Пономарев, с. 296].

³⁸ «Записная книга братской помощи представляет лабиринт бесконтрольных, неопределенных записей без обозначения времени выдачи и срока отдачи. <...> Записи велись как на лоскутках, так и в записной книге. Экс-

Школа сельская запущена, без учеников и учителя. Кого крестьяне приишут, того священник прогонит — будто бы требуя, чтобы учитель учил его священнических детей бесплатно.

Я не могу и не должна оставить это без внимания и буду писать к местному мировому посреднику о проверке суммы и передаче книги в руки избранного братством лица. Не примете ли Вы, хотя одним Вашим словом у Преосвященного Агафангела, под свою защиту бедное Свято-Георгиевское братство, которого одною из первых благотворительниц Вы были? Ваше слово заставит обратить внимание на просьбу бедных сельчан и Преосвященнейший разберет их дело и, может быть, назначит им другого священника, о чем они и просят.

Примите искренние уверения в том глубоком уважении, которое свидетельствует Вам

Надежда Соханская-Кохановская

15 апреля 1871.

Макаровка.

Автограф: (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 3–4 об.).

Вверху л. 3 рукой Блудовой (?): «Квитанция выдана 27 апреля 1871 г. за № 243».

III. Письма к графине М.Ф. Соллогуб

1

26 января 1866.

Макаровка

Вот когда мы с Вами встречаемся, графиня Марья Федоровна! Если не лицом к лицу (как не удалось мне, когда я была в Москве³⁹), то теперь словом к слову и при начале желанного дела

тренные выдачи помечались на косяке церковного притвора» [Кудринский, с. 110]. Автор очерка о «неудачных предприятиях» Кохановской констатировал: «Ни одна статья из составленного Соханской устава “Братской помощи” не выполнялась» [Кудринский, с. 109].

³⁹ Имеется в виду первое пребывание Кохановской в Москве летом 1862 г.

Братской Помощи. Благодарить Вас за сочувствие, за доброе желание успеха надежде моего сердца — за милость Вами собранной и врученной мне жертвы⁴⁰, — за все за это я преискренне, горячо и усердно Вас благодарю. Но я приняла от Вас еще большее, за что, конечно, нет у меня права благодарить Вас; но чему я могу радоваться чрезвычайно и этой радости никто не может отнять у меня⁴¹. Вы приняли к сердцу мою мысль и, будучи Братской сестрою в одном из бедных приходов Могилевской губ<ернии>, думаете положить основу Братской Помощи. О, да благословит Вас Господь в желании и начинании, и в исполнении этого дела! Все, чем я могу служить Вам при этом — требуйте прямо от меня! И позвольте мне теперь же, сей час — со всем уважением к Вам и к задуманному нами делу, которое становится общим для нас — позвольте мне предложить Вам следующее:

Все зависит от начала, которое должно быть зрело обдумано и твердо положено. Иначе выйдет — мыльный пузырь; а этих пузырей уже довольно лопнуло в нашей общественной деятельности, еще молодой и не окрепшей. Мы должны очень осторожно идти, осмотреть все, сообразить: кому и что, и на каких условиях вверяем мы деньги нашей Братской Помощи. Для этого у меня составляется давно обдумываемый Устав⁴², о котором Вы не имели много времени подумать и который позвольте мне прислать Вам. Вы его просмотрите, обсудите — примете или отвергнете; но я уверена в одном: что Вы непременно почувствуете необходимость в твердых и основных правилах для учреждения Братской Помощи, — чтобы это было именно благодетельное учреждение, а не сто рублей, брошенных на ветер по доброте сердца.

⁴⁰ М.Ф. Соллогуб (урожд. Самарина) пожертвовала на Яполотское братство 10 руб. [Кохановская 1867, № 67, с. 3].

⁴¹ Новозаветная реминисценция: «...и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16: 22).

⁴² См. выше фрагменты из «Устава Братской помощи». Рукопись была послана графине вместе со следующим письмом и сохранилась в ее архиве.

Вот что я имела сказать и предложить Вам со всею искренностью мысли и чувства, к которой способна Вам
много признательная

Кохановская

Автограф: (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1514. Л. 1–2 об.).

2

Милостивая Государыня
Марья Федоровна!

У нас ходят весенние горячки, и я начинаю сильно разбаливаться, и потому спешу отослать Вам Устав Братской Помощи. Вы, конечно, из него сделаете употребление, какое найдете пригодным. У меня подготовлены две большие конторские книги, перенумерованные по листам и прошнурованные с приложением моей печати. В начале той и другой я думаю вписать этот Устав, и одна будет приходною, а другая расходною. Но чтобы дать более верный и настоящий ход этому делу, я полагаю непременно в маии месяце сама проехать на Волынь через Москву и П<етер>б<ург> и по Варшавской железной дороге⁴³. Как Бог даст. В конце Устава я еще хотела сделать краткое извлечение из него: чтобы скорее и лучше его было запомнить; но теперь не могу. Если Вам понадобится это, то это вовсе не трудно сделать всякому.

Очень желаю, чтобы мой Устав пригодился Вам для собственных соображений и чтобы это новое дело привилось к Вашему Братству Вашею благородной рукою.

Примите уверение в искренности уважения к Вам

Над<ежды> Соханской

⁴³ План изменится, путешествие будет разделено на две части: подготовительную (Москва — Петербург — Москва) и собственно «поездку на Волынь», которая начнется отъездом 1 сентября 1866 г. из Харькова [Кохановская 1867, № 68, с. 2] в Киев и далее через Житомир в Ровенский уезд.

Р. С. Что касается до писем об Иезуитах⁴⁴ — я Вам в высшей степени благодарна. Ведь это клад нашего общественного сознания. До них мы инстинктивно боялись и не любили иезуитизма, а теперь мы знаем: что нас может и должно страшить и какую силу нравственного омерзения мы обязаны поддерживать в себе. Благодарю Вас за письма.

Автограф: (РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1514. Л. 3–4 об.).

Список литературы

Исследования

1. *Вихрова Н.Н.* Аксаков и Н.С. Соханская: перипетии художественного взаимодействия // *Христианство и русская литература* / отв. ред. В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2017. Сб. 8. С. 467–486.
2. *Кунильский Д.А.* Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2016. № 1 (154). С. 68–73.
3. *Платонова Н.Н.* Кохановская (Н.С. Соханская). 1823–1884: Биографический очерк. СПб.: Сенатская тип., 1909. 234 с.
4. *Прокудина Е.А., Комиссарова Л.В.* Острожское Кирилло-Мефодиевское братство А.Д. Блудовой как пример православного братства в России второй половины XIX века // *Альманах Свято-Филаретовского института*. 2017. Вып. 21. С. 87–100.
5. *Тесля А.А.* «Дамский круг» славянофильства: Письма И. С. Аксакова к гр. М.Ф. Соллогуб, 1862–1878 гг. // *Социологическое обозрение*. 2013. Т. 12. № 2. С. 66–97.
6. *Фетисенко О.Л.* Кохановская: «степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н.С. Соханской. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 424 с., ил.
7. *Фетисенко О.Л.* Письма Н.С. Соханской (Кохановской) как опыт «духовной автобиографии» // *Два века русской классики*. 2021. Т. 3, № 4. С. 164–181. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-164-181>

⁴⁴ Имеется в виду отдельное издание впервые изданных в газете «День» в ноябре–декабре 1865 г. «писем об иезуитах» Ю. Ф. Самарина («Ответ иезуиту Мартынову»): [Самарин]. Вероятно, сестра публициста подарила или в тот момент только пообещала подарить эту книгу Кохановской.

8. *Фетисенко О.Л.* «Светлым русским взглядом оглянуться вокруг»: Кохановская (Н.С. Соханская) и ее «галерея портретов» // Текст и традиция. СПб.: Росток, 2023. Т. 11. С. 43–59.

Источники

9. *А.Э. [Эртель А.И. (?); Энгельгардт А.Н. (?)]* Забытая писательница. Литературный очерк // Вестник Европы. 1899. Т. I. Февр. С. 754–776.

10. *Аксаков И.С.* Некоторые безобразия русской жизни и в частности причины распространения штунды // *Аксаков И.С.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. IV. С. 65–72.

11. [*Бартенева П.И.*] Н.С. Соханская (Кохановская) († 3 декабря 1884) // Русский архив. 1885. № 4. С. 629–631.

12. [*Быков Н.П., сост.*] Пятидесятилетие состоящего под высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством Острожского св. Кирилло-Мефодиевского православного церковного братства, 1865–1915 гг.: ист. записка / сост. Н.П. Быков. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1915. [8], V, [5], 432, 108 с.

13. Житие святых Кирилла и Мефодия, просветителей славянских народов, написанное для чтения в братском собрании Острожском в день памяти св. Кирилла и Мефодия. М.: Синодальная тип., 1866. 29 с.

14. Известие об Острожском Кирилло-Мефодиевском братстве. М.: Синодальная тип., 1866. 40 с.

15. *Котельникова А.П.* Маленькая биография о госпоже русской писательнице Кохановской // *Кохановская (Соханская Н.С.)*. Полн. собр. соч. и писем: в 7 т. / под ред. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2023. Т. 1. С. 499–506.

16. *Кохановская [Соханская Н.С.]* О русской песне. Письмо к Ив.С. Аксакову // Гражданин. Сборник. Ч. 1. СПб.: Г.К. Градовский, 1872. Кн. 1. С. 1–14.

17. [*Кохановская [Соханская Н.С.]*]. Письма Н.С. Кохановской к С.И. Погодиной / сообщ. А.Д. Погодиным // Русский вестник. 1889. № 10. С. 358–370.

18. *Кохановская [Соханская Н.С.]*. [Письмо в Кирилло-Мефодиевское братство] // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 128. 13 мая. С. 3.

19. *Кохановская [Соханская Н.С.]*. Поездка на Волынь // Москва. 1867. № 67. 24 марта. С. 2–3; № 68. 25 марта. С. 2; № 70. 29 марта. С. 2; № 76. 6 июля. С. 2–3; № 82. 13 июля. С. 2–3.
20. *Кохановская (Соханская Н.С.)*. Полн. собр. соч. и писем: в 7 т. / под ред. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2023-. Т. 1–3.
21. *Кохановская [Соханская Н.С.]*. Просьба // День. 1865. № 52. 18 дек. С. 1245–1246.
22. [*Кочетов Е.Л.*] По Юго-западному краю. Религиозные секты и братства в крае // Новое время. 1885. № 3419. 4 сент. С. 2–3; подп.: Русский странник.
23. *Крачковский Ю.Ф.* Памяти Помпея Николаевича Батюшкова. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1892. 34 с.
24. *Кудринский Ф.А.* Неудачные предприятия народолюбки (К биографии Н.С. Соханской-Кохановской) // Киевская старина. 1900. Окт. С. 83–122.
25. *Пономарев С.И.* Опись бумаг, оставшихся после Н.С. Соханской (Кохановской) // Русский архив. 1898. Янв. С. 277–312.
26. *Самарин Ю.Ф.* Иезуиты и их отношение к России: письма к иезуиту Мартынову Ю.Ф. Самарина М.: Русский архив, 1866. 304 с.
27. Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 600 с., ил.
28. *Теодорович Н.И.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии: в 5 т. Почаев: Тип. Почаевской Успенской Лавры, 1889 (обл. – 1890). Т. II: Уезды Ровенский, Острожский и Дубенский. [699 с.] С. 433–1120, VII с.

References

1. Fetisenko, O.L. *Kohanovskaia: "Stepnoi tsvetok" russkoi slovesnosti: Teksty i konteksty N.S. Sokhanskoi* [*Kohanovskaya: "The Steppe Flower" of Russian Literature. Texts and Contexts by N.S. Sokhanskaya*]. St. Petersburg, Pushkinskii dom Publ., 2021. 424 p. (In Russ.)
2. Fetisenko, O.L. "Pis'ma N. S. Sokhanskoi (Kokhanovskoi) kak opyt dukhovnoi avtobiografii" ["Letters of N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya) as an Experience of Spiritual Autobiography"]. *Dva veka russkoi klassiki*,

vol. 3, no. 4, 2021, pp. 164–181. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-164-181> (In Russ.)

3. Fetisenko, O.L. “‘Svetlym russkim vzgliadom oglianut’sia vokrug’: Kohanovskaia (N.S. Sokhanskaia) i ieie ‘galereia portretov’” [“To Look around with Bright Russian Gaze”: Kokhanovskaya and Her ‘Gallery of Portraits’”]. *Tekst i traditsiia: Almanakh* [Text and Tradition: Almanac], [vol.] 11. St. Petersburg, Rostok Publ., 2023, pp. 43–59. (In Russ.)

4. Kunilsky, D.A. “Imia Kokhanovskoj v polemike pochvennikov i slavianofilov” [“The Name of Kokhanovskaya in the Controversy between the ‘Pochvenniks’ and Slavophiles”]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (154), 2016, pp. 68–73. (In Russ.)

5. Platonova, N.N. *Kokhanovskaia (N.S. Sokhanskaia). 1823–1884: Biograficheskii ocherk* [Kokhanovskaya (N.S. Sokhanskaya: Biographical Essay]. St. Petersburg, Senatskaia tipografiia Publ., 1909. 234 p. (In Russ.)

6. Prokudina, E.A., Komissarova, L.V. “Ostrozhskoie Kirillo-Mefodievskoie bratstvo A.D. Bludovoi kak primer pravoslavnogo bratstva v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [“Ostrog Kiril and Methodius Brotherhood of A.D. Bludova as an Example of Orthodox Brotherhood in Russia in the Second Half of the 19th Century”]. *Almanach Sviato-Filaretovskogo institute*, no. 21, 2017, pp. 87–100. (In Russ.)

7. Teslia, A.A. “‘Damskii krug’ slavianofilstva: Pis’ma I.S. Aksakova k gr. M.F. Sollogub, 1862–1878 gg. [“‘Ladies’ Circle’ of Slavofilism: Letters from I.S. Aksakov to Countess M.F. Sollogub, 1862–1878”]. *Sotsiologicheskoe obozreniie*, no. 2 (12), 2013, pp. 66–97. (In Russ.)

8. Vikhrova, N.N. “Aksakov i N. S. Sokhanskaia: peripetii khudozhestvennogo vzaimodeistviia” [“Aksakov and N. S. Sokhanskaya: the Vicissitudes of Artistic Interaction”], ex. ed. Kotel’nikov, V.A., Fetisenko, O.L. *Khristianstvo i russkaia literature* [Christianity and Russian Literature], vol. 8. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, pp. 467–486. (In Russ.)